
А. В. РАЗИН

**МОРАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ
М. М. БАХТИНА: К ФИЛОСОФИИ
ПОСТУПКА***

В статье показывается, что М. М. Бахтин пытался создать особую моральную онтологию, связанную с утверждением ответственности человека за свое бытие. Это необходимо для того, чтобы преодолеть недостатки так называемой материальной этики, которая, с точки зрения Бахтина, не объясняет, как содержательное наполнение нормы превращается в должное. Также преодолеваются недостатки и формальной (кантианской) этики, которая тоже не может объяснить индивидуальный смысл долженствования и конкретное наполнение общей формы долженствования. Однако Бахтин разделяет специальную ответственность и технически совершенный поступок, то есть то, что реально совершается и разворачивается в цепи причин, и нравственную ответственность. Они существуют как бы рядом, что, с нашей точки зрения, неверно. Без нравственных мотивов не может быть никакого технического совершенства, то есть никакой эффективности поступка. Бахтин также считает, что должное принципиально не может быть выведено из сущего. Мы показываем, что должное присуще самой реальности (социальной), поскольку она не может быть организована без норм, обеспечивающих выполнение взаимных ожиданий людей, а также связано с совершенством в выполнении социально обусловленных функций.

М. М. Бахтин говорит об ответственности, но не может объяснить, почему человек ее на себя принимает, так как его не устраивает ни обращение к психологической реальности бытия индивида, ни к культурно обусловленным мотивам деятельности.

Ключевые слова: *ответственность, должное, сущее, мотивы, нравственность, бытие, личность, психология, культура.*

** Для цитирования:* Разин А. В. Моральная онтология М. М. Бахтина: к философии поступка // Философия и общество. 2026. № 1. С. 88–95. DOI: 10.30884/jfio/2026.01.05.

For citation: Razin A. V. Mikhail M. Bakhtin's Moral Ontology: Towards a Philosophy of Action // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2026. No. 1. Pp. 88–95. DOI: 10.30884/jfio/2026.01.05 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2026 88–95

DOI: 10.30884/jfio/2026.01.05

The article demonstrates that Bakhtin attempts to create a unique moral ontology linked to the affirmation of human responsibility for one's own existence. This is necessary to overcome the shortcomings of so-called material ethics, which, in Bakhtin's view, fails to explain how the substantive content of a norm becomes an "oughtness." The shortcomings of formal ethics (Kantian ethics) are also overcome, as they also fail to explain the individual meaning of "oughtness" and the concrete content of the general form of "oughtness." However, Bakhtin distinguishes between special responsibility and technically perfect action, i.e., what is actually accomplished and unfolds in a chain of causes, and moral responsibility. They exist side by side, as it were, which, from our perspective, is incorrect. Without moral motives there can be no technical perfection, i.e., no effectiveness of action. Bakhtin also believes that "oughtness" cannot be derived from what exists in principle. We show that what is due is inherent in reality (social reality) itself, as it cannot be organized without norms that ensure the fulfillment of people's mutual expectations and is also associated with excellence in the performance of socially determined functions.

Bakhtin speaks of responsibility but cannot explain why people accept it, as he is unsatisfied with either an appeal to the psychological reality of individual existence, or to culturally determined motives for action.

Keywords: *responsibility, what is due, being, motives, morality, being, personality, psychology, culture.*

М. М. Бахтин – известный российский (советский) ученый, написавший много работ в стиле диалогического мышления (общения), исследовавший смеховую культуру. В одной из ранних работ он обратился к моральной проблематике и попытался построить новый вид этики, связанный с ответственным поступком человека (личности). В основе моральной онтологии Бахтина лежат некоторые хорошо известные посылы, прежде всего идея о том, что должное не выводится непосредственно из сущего. Но, по Бахтину, оно и не произвольно, а зависит от сознающего свою ответственность человека. Это не означает, что человек не учитывает каких-то объективных фактов своего бытия, отрицает значение знаний о мире, но всего этого, с точки зрения Бахтина, недостаточно для того, чтобы сформулировать идею о должном.

«Действительно ли самой истинности присущ момент долженствования? Долженствование возникает лишь в соотношении истины (в себе значимой) с нашим действительным актом познания, и этот момент отнесенности есть исторически единственный момент, всегда индивидуальный поступок, совершенно не задевающий объективной теоретической значимости суждения, – поступок,

оцениваемый и вменяемый в едином контексте единственной действительной жизни субъекта» [Бахтин 2003: 9]. Ясно, что Бахтин, по существу, пытается найти некоторую связку между возможной интерпретацией мира в терминах истины как соответствия наших знаний действительности и тем, что из этого следует в качестве волеутверждения ответственного субъекта, что реализуется в его жизненной практике.

Конечно, моральные требования не реализуются без сознающего свою ответственность субъекта. Это ясно. Но что, собственно, хочет сказать М. М. Бахтин, как он корректирует это, в общем-то, несомненное положение? Коррекция осуществляется в двух направлениях. Во-первых, Бахтин утверждает, что каких-то моральных требований, независимых от волеизъявления субъекта, сознающего свою ответственность, вообще не существует. «Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования)» [Бахтин 2003: 10]. *Но кто он, этот субъект, из каких оснований он исходит, принимая свои решения? Кто это – абсолют сам в себе, аналог Бога? Что вообще можно сказать об этом субъекте?* Во-вторых, Бахтин полагает, что реальность существует в каком-то двойном измерении. С одной стороны – объективные процессы, в том числе и технически совершенные поступки, с другой стороны – моральный аспект бытия, который от технической или причинно-обусловленной реальности как бы независим. «Долженствование не имеет определенного и специально теоретического содержания. На все содержательно значимое может сойти долженствование, но ни одно теоретическое положение не содержит в своем содержании момента долженствования и не обосновывается им» [Там же]. Однако возникает вопрос: *а почему оно (должное) может снизойти и от кого оно снисходит?* По-видимому, от сознающего свою ответственность субъекта, но что заставляет его быть ответственным? Причем Бахтин полагает, что моральная ответственность добавляет нечто новое к обычным причинным процессам, развивающимся под влиянием осознанных действий субъекта в мире, что тоже означает его ответственность, но отличную от нравственной ответственности за свое бытие.

Мысль о различении причинно-обусловленных процессов и моральной стороны бытия звучит и в самом начале работы М. М. Бахтина «К философии поступка»: «Акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности: и за свое содержание (специальная ответственность), и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и невзаимопроницаемость культуры и жизни» [Бахтин 2003: 8].

Но можно ли так разделить эти два аспекта, то есть содержание ответственности и нравственные основания ответственности, как это предлагает сделать М. М. Бахтин?

Прежде чем ответить на этот вопрос, вернемся сначала к тезису о том, что должное не выводится из сущего. В том-то и дело, что выводится. Выводится потому, что само сущее, если брать культуру и общество, не существует без должного. Это очень хорошо показал Дж. Сёрл, когда ввел понятие «институциональный факт». Институциональный факт – это признание того, что есть такая реальность, которая без норм и правил вообще не существует, как, например, игра в шахматы не существует без правил этой игры, а общество и культура не существуют без социальных норм, которые уже по факту возможности своего существования, своей природы включают в себя должное. Сёрл пишет: «...в человеческой рациональности, в противоположность обезьяньей, существует разница между основаниями для действия, которые связаны с удовлетворением того или иного желания, и основаниями, не зависящими от желаний. Основное различие между видами оснований для действия заключается в том, что одни из них связаны с тем, что вы хотите и что вы должны сделать для получения желаемого, тогда как другие связаны с тем, что вы должны сделать независимо от ваших желаний» [Серль 2004: 21]. Независимое от желаний действие основано на обязательствах перед другими людьми. В условиях таких обязательств удовлетворяется большинство потребностей человека, и эти обязательства несомненно содержат в себе должное.

Конечно, такое должное, представленное в институциональных структурах, не изобретается индивидуально ответственным субъектом. Оно возникает в результате коллективного творчества людей, осуществляемого либо в институциональных нормах, в том

числе в результате законотворчества легитимных государственных органов, либо в неинституциональных нормах, возникающих в практике жизни различных социально-исторических общностей людей. При этом субъект нормотворчества и объект воздействия нормы в неинституциональных средствах регуляции поведения совпадают. Обусловлено это тем, что сама общность формируется вокруг некоторого поведенческого принципа, идеи об определенной форме коммуникации, кем-то и когда-то, конечно, предложенной, но часто уже не соотносимой с именем ее творца (хотя такой творец может быть и утвержден как пророк или бог в религиозной этике).

В настоящее время в этике возрождается интерес к идее моральной гетерономии. Например, Ф. Фукуяма отмечает: «Моя точка зрения состоит в том, что привычное понимание натуралистического заблуждения само по себе есть заблуждение, и потому философии отчаянно необходимо вернуться к докантианской традиции, которая корни прав и морали видит в природе» [Фукуяма 2008: 161].

А. Макинтайр также разделяет идею гетерономии. Но у него должное выводится не из абстрактного природного закона (который сам по себе может быть подвергнут сомнению) и тем более не из воли отдельного индивида, а из того, что идет от понимания совершенства в выполнении социальной функции. Хорошими часами являются те часы, которые точно показывают время, а хорошим фермером – тот фермер, который имеет программу возрождения почвы, наилучшую из всех возможных. Это означает, что мы «определяем “часы” и “фермер” в терминах цели или функции, которые типичны для часов или фермера. Отсюда следует, что концепция часов не может быть определена независимо от хороших часов, а концепция фермера – независимо от концепции хорошего фермера» [Макинтайр 2000: 83]. Точно так же «из посылки “Он является морским капитаном” вполне значимо может быть выведено “Ему следует делать то, что пристало морскому капитану”» [Там же: 81].

Далее, М. М. Бахтин пишет: «...безукоризненная техническая правильность поступка еще не решает дело о его нравственной ценности. Теоретическая истинность технична по отношению к долженствованию. Если бы долженствование было бы формальным моментом суждения, не было бы разрыва между жизнью и культурой-творчеством, между актом-поступком, моментом единства контекста моей единственной жизни и смысловым содержанием суждения – моментом того или иного объективного теоретического единства

науки, а это значило бы, что был бы единый и единственный контекст и познания и жизни, культуры и жизни, чего нет, конечно» [Бахтин 2003: 9].

А почему, собственно, нет, и что значит «безукоризненная техническая правильность поступка»? Допустим, если изделия выпускаются без брака, то в основании этого лежат не только способы внешнего контроля (к современному производству, кстати говоря, применимые в ограниченной степени), но и нравственные мотивы, как, например, отсутствие брака в японских изделиях определяется японским вариантом конфуцианства. Таким образом, то, что М. М. Бахтин называет специальной ответственностью и ответственностью за свое бытие (нравственной ответственностью), вообще неразделимо.

Сказанное, конечно, не подразумевает, что не имеют значения индивидуальная ответственность и сознание нравственных оснований собственного бытия. Наоборот, такая ответственность очень значима, особенно в условиях современного производства, где все большую роль играет творческий труд. Он не может быть проконтролирован внешним образом. Ведь для проведения контрольных операций зачастую требуется такая же затрата времени, как и для осуществления самой работы.

Индивидуальная ответственность значима в процессе осмысления условий применения норм к конкретным ситуациям действия, к процессу совершенствования социальных норм, осмысления ценностей. Коллектив способен индивидуализировать нормы, создавать этические кодексы, приемлемые для данных условий осуществления трудовой и хозяйственной деятельности.

Но важно то, что такая ответственность не противостоит культуре как совокупным представлениям человека и человечества о самом себе, о нравственных требованиях, об исторических задачах, вставших перед человечеством.

Конечно, человек может развивать культуру, формулировать новые требования. Как отмечал Б. Н. Чичерин, «не лица существуют для учреждений, а учреждения для лиц. От них исходит и совершенствование учреждений. Последние развиваются и улучшаются именно вследствие того, что *лицо отрывается от существующего порядка и предъявляет свои требования и свои права*» [Чичерин 1998: 179–180].

Но полностью отвергнуть весь пласт заключенной в культуре нормативности невозможно. Тогда высока вероятность полного произвола и радикальной переоценки ценностей. Как показывает С. С. Аверинцев, для Бахтина «важно рассчитаться с характерной для интеллигентского сознания иллюзией абсолютной и довлеющей себе этики. Иллюзия эта оказывается неиссякающим источником нравственного нигилизма... Вне метафизики естественного закона, с одной стороны, и внутрижизненной “ангажированности”, с другой стороны, принцип абстрактного долженствования продемонстрировал пугающую превратность: не оказалось никакого препятствия в уме для того, чтобы помыслить долженствование отсутствия всякого долженствования, как это делом доказал Ницше» [Аверинцев 2003: 446]. Однако М. М. Бахтин, как нам кажется, не избежал той опасности, о которой пишет Аверинцев. Напомним, мыслитель утверждает: «Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования)» [Бахтин 2003: 10].

Возражения М. М. Бахтина против материальной (в его терминологии), то есть содержательной нормативной, и формальной (фактически – кантианской) этики оправданы. Оба этих подхода содержат в себе противоречия. Но путь их преодоления не в том, чтобы все отдать на откуп отдельному субъекту, сознающему свою ответственность, а в том, чтобы учесть опыт моральной жизни людей и практически действенные механизмы создания и преобразования системы социальных норм, что не осуществляется в одиночку никаким мыслителем.

Конечно, в культуре могут быть представлены отчужденные от человека элементы жизни. Это создает препятствия на пути развития представлений об ответственности и сознания ответственности со стороны отдельного субъекта. Но это не означает, что культура в целом каким-то образом противостоит жизни человека, как полагает Бахтин.

Итак, М. М. Бахтин выделяет материальную и рациональную (формальную) этику. Первую он считает абсурдной, так как мораль принципиально не выводится из материального мира, например из природного закона. Вторая этика имеет смысл, так как она связана с сознанием, но в ней теряется индивидуальный субъект, сознаю-

щий свою ответственность. Действительно, приняв долженствование как форму теоретического разума, я еще должен ответить на вопросы, перед кем это долженствование, почему я должен ему следовать. Бахтин это прекрасно понимает.

Но вот нашел ли он ответ на поставленные вопросы? Думаю, что нет, потому что в его онтологии слишком очевиден разрыв между внешним и внутренним. Да и что такое это внутреннее? Чем обусловлено мое желание возложить на себя ответственность? Совестью, сознанием собственного достоинства, стремлением к самореализации, опасением реакции со стороны других людей на нарушение системы социальных обязательств? Все эти вопросы остаются без ответа в моральной онтологии М. М. Бахтина.

Литература

Аверинцев С. С. Постраничные примечания (1). Комментарии / М. М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. С. 438–456.

Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. С. 7–68.

Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000.

Серль Дж. Рациональность в действии. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2008.

Чичерин Б. Н. Философия права. СПб. : Наука, 1998.